

ческие и иные решения, ориентируясь подчас на иждивенческие, консервативные стратегии жизни, не опирающиеся на адекватное отражение реальности, наоборот, уходящие от нее. Какое будущее они выберут? Инфантилы, занимающие высокие должности и участвующие в распределении власти и собственности, не дают развиваться «взрослым», потенциальным отцам, способным поменять действующий социально-политический порядок.

«Тоска по железной руке» – неправильно понимаемая либо специально искажаемая потребность общества. Эту потребность стоит выразить как потребность в таком «порядке» и такой «стабильности», которую лучше бы назвать нормальной жизнью. В социально-психологическом плане эту же потребность можно сформулировать как потребность не в одном единственном на всю страну Отце-диктаторе, а во многих отцах, потребность в настоящем живом ответственном и заботливом отце у каждого, отце, приобщающем к взрослой жизни. Пора уже отказаться от веры в одного «великого Отца» и начать уважать отцов живых и реальных.

4.2. Политическое участие в современной России: возможности и ограничения

Многие исследователи отмечают низкий уровень политического участия граждан в нынешней России, объясняя это разными причинами [Гудков 2016: 122–123; Гражданское и политическое... 2013: 105–108]. На наш взгляд, оптимальному уровню политического участия российских граждан как главному критерию политической модернизации препятствуют не отдельные «остаточные» факторы и условия, унаследованные от прошлого, участие в принципе не вписывается в нынешнюю конфигурацию властвования в России. В западноевропейских странах политическое участие рядовых граждан – необходимый механизм функционирования демократического государства, обеспечивающий легитимацию власти. Однако выполнение этой функции обусловлено совокупностью объективных факторов, связанных с реальным политическим порядком, действующим в том или ином государстве. Этот параграф книги мы посвятим выявлению причин и механизмов исключения рядовых граждан из политики российским политическим режимом под лозунги о «вовлечении» и «включении».

Связь понятий «политическое участие» и «включение» фиксируется уже на уровне значений слов естественного языка. *Участие* – «часть, доля, достояние, имущество», *участвовать* – «иметь долю, часть, пай в деле,

или быть сотрудником, товарищем, помощником в деле; касаться чему-либо вещественно или нравственно...» [Даль 1998: IV, 1115]; *включение* от *включать* – «сопричислять», например, включать в члены. Ближним последнему является слово *вовлечение* от *вовлекать* – «привлекать к участию в чем-либо» [Даль 1998: I, 515, 533], «делать частью» (при-частным), приобщать. Политическое включение (инклюзия) как понятие политической науки означает введение кого-либо в состав членов определенной политической общности. Посредством разных форм вовлечения индивида или группы в те или иные виды социально-политической деятельности номинальное включение становится реальным деятельным членством, возникает сопричастность (идентичность) индивида или группы этой общности. И наоборот, исключение (экслюзия) связано с выведением кого-либо из состава членов политической общности как участников политики. Для понимания механизма политического исключения важно зафиксировать связь включения и политического участия: «...политическое участие предстает как качественно иной, практический уровень включенности индивида в политическую жизнь...» [Соловьев 2000: 28].

Понятия включения и исключения в отечественной политической науке представлены довольно фрагментарно, поскольку тенденция усиления социального и политического исключения больше ощущается нежели осознается. Реальное исключение происходит в скрытых формах, поэтому и проблема исключения не стала предметом полноценной рефлексии и публичного обсуждения. Более разработаны понятия инклюзии и экслюзии в теории социальной интеграции и дифференциации Н. Лумана [Луман 2006], созданной с опорой на теорию гражданства Т. Х. Маршалла [Marshall 1973] и структурно-функциональный анализ. Т. Парсонс под инклюзией понимает комплекс моделей социального действия, принимаемых для обеспечения «статуса более или менее полного членства в более обширной и сплоченной социальной системе» [Parsons 1972]. Н. Луман считает, что переменная инклюзия/экслюзия связана с системной дифференциацией общества, под влиянием которой меняются условия и критерии инклюзии. «...правила дифференциации представляют собой правила повторения различий между экслюзией и инклюзией в пределах общества...» [Луман 2006: 36]. Он определяет инклюзию как «форму, внутренняя (инклюзивная) сторона которой характеризуется как шанс на социальное признание лиц... а внешняя сторона остается немаркированной. Итак, инклюзия существует лишь тогда, когда возможна экслюзия. Только существование неинтегрируемых лиц или групп высвечивает социальную сплоченность и делает возможным специфицировать условия для нее» [Луман 2006: 35]. Форма проявления различия между правом и бесправи-

ем в конкретном контексте зависит от «предыдущей фильтрации через инклюзию/экслюзию». Исключенное оказывается вне права, а противостоящие ему политика, бюрократия, полиция, военные структуры решают, придерживаться ли им права в отношении исключенных лиц и групп. Аналогично происходит и в политической системе по линии деления правительство/оппозиция. По отношению к оппозиции может применяться иное «право», нежели по отношению к лояльному населению.

Ч. Тэйлор тоже видит в демократиях связь «включающей» и «исключающей» политики: с одной стороны, «демократия и, в особенности, либеральная демократия – это великая философия включения», с другой стороны, в демократии есть и исключение как побочный продукт потребности самоуправляющихся обществ в высокой сплоченности, обратная сторона общей идентичности. Сообщество граждан представляет собой «непрерывное коллективное действие, благодаря участию в котором осуществляется... свобода». Чувство принадлежности, тождественности с членами такого коллектива – это основа внутренней связи между демократией и сплоченными коллективными действиями. Государству нужна лояльность его членов, но это лояльность политической нации как сообществу граждан, а не только элите. Общая лояльность политическому сообществу как культурному, историческому и языковому единству основывается на постоянно возобновляющихся взаимных обязательствах и действиях, порождающих общественное доверие. Ч. Тэйлор считает, что «исключение... идет вразрез с легитимационной идеей народного суверенитета, подразумевающей не просто власть народа, а всего народа. Необходимость формирования нации как коллективного субъекта действия противостоит требованию включения в нацию всех, кто имеет законное право на гражданство. Вот источник болезни» [Тэйлор].

Таким образом, в любом обществе существует модель включения, социального и политического признания и полной реализации прав одних категорий людей и исключения других. Определенный социальный порядок, действующий на основе системы политических институтов и норм, формируется и воспроизводится по конкретной модели включения/исключения. Инклюзивное – это все, что оправдано, признано в качестве нормы, а эксклюзивное – все, что отклоняется от нормы, что проклято. С усложнением общества трансформируются критерии включения и исключения. Выявление модели включения/исключения представляет определенную трудность, поскольку механизмы исключения чаще всего непрозрачны. Формы и типы исключения исторически многообразны. В современных обществах существуют различные технологии и практики имитации, манипуляции и т.п., затрудняющие осознание этих механизмов.

С помощью определенной модели включения/исключения в обществе происходит дифференциация индивидов и групп, отведение им определенных мест, выдвижение требований, задающих пределы их действий и определяющих содержание социальных и политических ролей. Статус индивида в функционально дифференцированных обществах эпохи модерна в отличие от предшествующих эпох оказывается не предписанным, но приобретаемым индивидуально. Модель включения/исключения меняется, она действует не извне, а изнутри, индивидуализируется. Важную роль начинает играть участие индивида в общественной и политической жизни. Однако право добиваться более высокого социального и политического статуса требует все больших усилий от индивида. Усложнение норм функционирования политической системы приводит к росту требований к тем, кто претендует на значимые позиции в этой системе. Одновременно включается механизм отбраковки тех, кто не справляется с выполнением этих требований. Чтобы участвовать в экономической жизни, индивид должен быть правоспособным и обладать достаточным доходом. «Ценой» включенности в политику становится обязанность участия в политических выборах. Человек, не требующий тех или иных прав, оказывается виновным за собственное исключение. Возникают и формы самоисключения. Инклюзия как будто бы становится доминантой и вытесняет эксклюзию. Н. Луман называет это «тоталитарной логикой», стремящейся уничтожить противоположность [Луман 2006: 40]. Принцип включения/исключения реализуется посредством каждого из институтов политической системы и элементов политической культуры. Одним из фундаментальных политических институтов эпохи модерна является гражданство в национальных государствах. По мнению И. Валлерстайна, институт гражданства выступает в качестве двойного механизма, который, вовлекая определенные категории людей в политику, одновременно исключает другие категории населения в соответствии с критериями, выработанными в рамках определенной политической системы. Основополагающая идея, заключенная в институте гражданства, «по самой своей сути всегда сочетает в себе понятия включенности и исключенности» [Валлерстайн 2004: 160]. В целях легитимации процедуры исключения в институте гражданства заложена культурная матрица классификации и дифференциации людей. Эту матрицу, описанную И. Валлерстайном, приводит О. Ю. Малинова: «...понятие *гражданин* способствовало кристаллизации... длинного списка бинарных разграничений, образующих культурный фундамент капиталистической экономики XIX и XX вв.: буржуа и пролетарий, мужчина и женщина, взрослый и несовершеннолетний, кормилец и домохозяйка, большинство и меньшинство, белые и черные, европейцы и неевропейцы,

образованные и неграмотные, одаренные и бесталанные, профессионалы и любители, ученые и дилетанты, высокая культура и низкая, гетеро- и гомосексуальность, норма и отклонение от нее, и, конечно же, обобщение всех этих бинарных противопоставлений, – цивилизованный и варвар» [Малинова 2004: 9]. Следовательно, участие в политике как процесс реализации публичных прав и как возможность влияния на принятие политических решений обусловлено соответствием каждого потенциального участника политики определенным требованиям политической системы. Включение означает допуск кого-либо к принятию решений относительно любых ресурсов общества, исключение – недопуск. Возможны и определенные степени ограничения таких допусков, так возникают определенные степени вовлеченности людей в политику.

В последние годы теме эксклюзии по социальному, религиозному, правовому и другим признакам, дискриминации и депривации «неблагополучных» индивидов и групп уделяется все больше внимания [Абрахамсон 2001; Дмитриева 2012; Степанова, Ефлова 2012]. Связь между социальной и политической эксклюзией довольно тесная: все эти люди, как правило, не реализуют свои политические права в силу отсутствия внешних и внутренних ресурсов для этого. Принято считать, что именно институт гражданства – один из основных способов включения граждан и исключения неграждан (мигрантов). Мы предполагаем, что политическое исключение может применяться даже по отношению к собственным гражданам, в рамках формального института гражданства, но осуществляется оно посредством множества институтов, практик, технологий, и не только политических.

Мы будем придерживаться определения понятия политического вовлечения как «деятельности политических акторов, направленной на расширение политического участия в долговременной перспективе, на обеспечение более или менее постоянной включенности граждан в процесс функционирования политического сообщества» [Кузин 2010]. Политическое исключение, по нашему мнению, представляет собой совокупность формальных и неформальных, явных и скрытых, прямых и косвенных мер и практик, осуществляемых правящей группой – индивидуальными и коллективными акторами, имеющими доступ к государственным ресурсам и структурам – и направленных на вытеснение или прямое удаление индивидов или социальных групп из сферы публичного права, управления и принятия решений, политики в целом. Чем больше ограничений, тем меньше степень участия рядовых граждан вплоть до абсолютной невозможности легального конвенционального политического участия. Исключение – обратная сторона включения, их взаимосвязь составляет фунда-

ментальное метаразличие, составляющее основу политического режима и его влияния на экономику и другие сферы жизни людей. Включение/исключение предстает в качестве конкретно-исторического принципа и механизма формирования общностей, групп и одновременно внутреннего структурирования общностей, выделения в них управляющих и исполнительских структур, способа отбора, дифференциации, разделения общества и властвования над ним, а также способа формирования элиты. Его основу составляет комплекс содержательных критериев, сформированных в коды. Этот механизм селекции имеет институциональную и ценностную стороны. Идеология как специфический элемент культуры вырабатывает критерии включения и исключения как способ различения своих и чужих, господствующих и подчиняющихся, равных между собой и эксплуатируемых, тех, кто будет обладать полным объемом политических и иных прав, а кто – ограниченным. По отношению к рядовым гражданам и оппозиции возможны включающие политические режимы и исключаяющие, когда исключенным из участия в политике оказывается почти все общество за вычетом правящей группы. Это связано и с соотношением эгалитарного и элитарного принципов формирования общностей, о котором мы писали во второй главе.

Необходимо обозначить контуры модели включения/исключения, которая лежит в основе действующего политического режима в России и определяет структуру возможностей участников политики. Социологические исследования фиксируют эффекты исключения в функционировании политических институтов в России. Работы исследовательского комитета по институциональным исследованиям (ИКИИ РАН) позволяют представить институциональные условия и перспективы развития политического участия в России, связанные с состоянием политической системы и доминирующими тенденциями ее функционирования [Институциональная политология 2006; Граждане и политические практики... 2011]. Необходимо учитывать различные формы активности граждан. С. В. Патрушев выделяет два типа гражданской активности: 1) гражданское участие, или пассивная адаптивная деятельность граждан по воспроизводству политических институтов; 2) гражданское действие – активная деятельность, направленная на трансформацию политических институтов [Патрушев 2009: 26]. Невысокие показатели политического участия свидетельствуют о «недостаточной институционализации арен участия», об их использовании от случая к случаю. Наблюдающиеся всплески политической активности совпадают с национальными выборами, что говорит о «мобилизационном характере участия не только на электоральной, но и на других аренах участия» [Завадская 2011: 215].

Л. Е. Филиппова использует понятия включения и исключения при исследовании динамики политических институтов в России и стратегии поведения институциональных «инсайдеров» и «аутсайдеров». Существуют два уровня стратегии – организационный, то есть стратегия инсайдеров по отношению к гражданам, и уровень норм, то есть стратегия по отношению к новой информации. Автор считает, что направленность на «исключение» – нормальное состояние институтов, являющееся условием их устойчивости. Спецификой гражданского или политического действия является его инклюзивность, то есть способность к созданию новых форм гражданского участия и изменению действующих политических институтов [Филиппова 2011а: 52]. Низкий уровень вовлеченности граждан в функционирование политических институтов, по мнению А. Д. Хлопина, обусловлен кликократией, присущей российской политической системе, и рассогласованием должного и сущего в политической культуре населения. Институциональная сфера общества характеризуется глубоким и устойчивым разрывом между формальными правилами и реальными практиками их функционирования. Неформальные отношения во властных институтах делают невозможным развитие стратегий гражданского действия, направленного на трансформацию институциональной среды [Хлопин 2011: 232].

Л. И. Никовская и И. А. Скалабан фиксируют различные тенденции в развитии гражданского участия в мире и России. Одна из них – стирание границ между социальным, гражданским и политическим участием. Авторы рассматривают гражданское участие как более широкое понятие по отношению к политическому участию: «это процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [Никовская, Скалабан 2017: 48]. Среди негативных тенденций развития гражданского участия в России авторы называют следующие. «Основной проблемой развития современного гражданского участия становится снижение его политической составляющей. Гражданская активность россиян в этом отношении носит эпизодический и несистемный характер. Политический уровень во многом остается закрытым для гражданских инициатив и строго контролируется представителями власти» [Никовская, Скалабан 2017: 51]. Гражданская активность смещается от участия в деятельности политических партий к участию в практиках неполитических общественных объединений. В развитии гражданского участия в современной России существуют препятствия. Одно из них – «несовершенство институциональных условий (административные и бюрократические барьеры) и слабое использование диалоговых механизмов

и практик взаимодействия с государством», которое преимущественно использует модель асимметричной коммуникации, основанную на «традициях монолога, пропаганды, манипуляции общественным мнением», где «государство доминирует, а слабое гражданское общество действует в узком анклавном обозначенных границ публичного дискурса, подавляет гражданскую инициативу, порождает отчуждение, общественную апатию и разочарование» [Никовская, Скалабан 2017: 53]. Чиновники закрывают рядовым гражданам и активистам гражданских объединений доступ к сферам, механизмам и процедурам формирования государственной и региональной политики, рассматривая участие общественных сил в качестве покушения на их исключительные прерогативы и суверенную территорию исполнительной власти.

Большинство граждан не обладают достаточными ресурсами для оказания влияния на общественные и политические институты. Происходит «усиление исключенности», индивиды лишаются статуса участников политического процесса и не приобретают статуса акторов [Филиппова 2011b: 263]. Рост уровня протестного голосования и отказ части граждан от участия в выборах вызвал такое изменение избирательного законодательства со стороны власти, что эти стратегии поведения граждан, направленные на изменение института и процедур выборов, оказались практически бессмысленными. Политические институты становятся не включающими, открытыми, а исключаящими и закрытыми для доступа рядовых граждан и социальных групп, имеющих отличные от власти представления о демократии. Политики, действующие от имени государства, публично не признают фактического исключения граждан РФ из сферы политики. Однако кумулятивный негативный эффект от многообразия мер – подзаконных актов, процедур, применения санкций или угроз их применения, практик, затрудняющих политическое участие в любых его формах, особенно активных, просто огромен. Он свидетельствует о том, что реальное исключение большинства граждан из политики осуществляется целенаправленно и последовательно. Формальные критерии исключения можно выявить при анализе содержания официального дискурса, представленного в СМИ, подконтрольных власти. Данный дискурс фрагментарен и эклектичен, однако за слоем либерально-демократической риторики просматривается целевая направленность. Его смысловое поле образуется двумя рядами понятий и ценностей – утверждающих норму и осуждающих отклонения, подлежащие контролю и вытеснению. Однако норма здесь предстает как двойной стандарт – должного и сущего, формального и неформального, всеобщего (для населения) и элитарного. Набор «нормального» таков: государство, порядок, государственный суверенитет, на-

циональная (читай, правящей группы) безопасность, стабильность, патриотизм, опора на традиции и православие. В ряд отклонений от нормы попадают «внесистемная» оппозиция, политическая конкуренция, критическое отношение к власти, любые политические амбиции и стремление к политическому участию, атеизм, всякий не государственно и не православно ориентированный патриотизм (он маркируется как антипатриотизм), либерализм (не имитационный), почти любая неправославная религиозность. Политическая оппозиция и ее лидеры рассматриваются в качестве источника массовых беспорядков, экстремизма, радикализма, терроризма. На практике они преследуются под предлогом финансовых или иных неполитических преступлений. Такова «нормативная семантика» дискурса власти, под государственной символикой прячущего интересы правящей группы.

Основные тенденции динамики уровня политического участия россиян систематически отслеживаются в исследованиях Левада-центра. Уровень политического участия связан с интересом к политике, возможностью общественного контроля за действиями властей, влияния на принятие государственных решений, на исход выборов, с готовностью к активному политическому действию, со степенью причастности гражданина государству, с правовой, моральной и политической ответственностью гражданина за деятельность государства. По всем этим параметрам фиксируются низкие показатели: у большинства населения наблюдается слабый «пассивный» интерес к политической жизни; неверие в возможность влиять на политику, преобладание пессимизма и фатализма в отношении политического участия и возможности отстаивания гражданских и политических прав. Основой отношения российских граждан к власти является политическое и моральное отчуждение [Левада 2006: 13]. Отчуждение, на наш взгляд, есть результат замаскированной декларациями («о необходимости гражданской социализации и выработки активной гражданской позиции») последовательной стратегии исключения рядовых граждан из политики.

Исключение осуществляется в целях ограничения политических прав и свобод посредством использования экономических, правоохранных и иных рычагов давления. Попытаемся разобраться, как действует механизм исключения «под прикрытием» включения. Современный российский политический режим В. Я. Гельман называет электоральным авторитарным режимом: «...на протяжении всего постсоветского периода спрос граждан на политические перемены присутствовал как минимум в латентной форме, и власти последовательно и систематически старались избавиться от вызовов режиму *status quo* путем выстраивания высоких барьеров входа на политический рынок, умелого использования так-

тики “разделяй и властвуй”, кооптации в истеблишмент в качестве “попутчиков” одних политических игроков и исключения из него других etc.» [Гельман 2012: 67]. Формальный институт выборов был лишь фасадом неформальных институтов властвования. В. Я. Гельман вскрывает пружины и механизмы неформальной институционализации в России, анализирует причины доминирования «подрывных» неформальных институтов. Неформальные институты – клиентелизм, коррупция, клановая политика, схемы ухода от налогообложения, селективное применение права государственным аппаратом, блат, манипулятивные механизмы приватизации, государственное рейдерство, непрозрачное финансирование партий и выборов и многое другое – подменяют собой формальные правила, вызывая негативные эффекты [Гельман 2003: 7]. Сюда же относятся и «размытая законность» (извращение сути законов посредством широкого делегирования полномочий и селективного применения санкций), и использование лазеек и умолчаний в законах о выборах, их произвольное толкование членами избирательных комиссий, предоставление последним права выработки решений, принимаемых, как правило, в пользу проправительственных партий и кандидатов, зависимость избирательных комиссий от местных властей, оценка результатов их работы по доле голосов, поданных за «Единую Россию». Монополизация политической жизни в 2000–2010-е годы сопровождалась трансформацией избирательного законодательства в сторону «допуска» своих и создания множества барьеров для оппозиционных партий и кандидатов как чужих. Политический институт выборов в России в настоящее время действует как исключаящий как минимум для трети населения, недаром эта часть граждан не считала парламентские и президентские выборы 2011–2012 гг. легитимными [Россияне... 2012; Президентские выборы... 2012]. Эта треть граждан не только не имела своих представителей в парламенте, но и не могла реализовать многие другие политические права и свободы. Она просто выдавливалась из сферы возможного политического участия, не говоря уже о политическом действии. «Логика неформального управления» в России как всегда эксклюзивна. Несправедливая конкуренция в условиях электорального авторитаризма официально закреплена законом и санкционирована и системой норм, и государственным аппаратом, обеспечивающими «нужный исход голосования». Неформальное управление электоральным процессом прямо основано на формальных институтах избирательного права [Гельман 2010: 9]. Формальные и неформальные институты находятся в сложном переплетении, симбиозе. Это не две стороны медали, а «оболочка» и «ядро», определяющее характер функционирования этих институтов в процессе неформального управле-

ния. Неформальные институты паразитируют на формальных. Этот симбиоз обеспечивает систематическую порчу институтов [Гельман 2010: 10] и составляет специфику нынешнего политического режима в России. Формальные институты – парламент, многопартийная система, конкурентные выборы – выступают в качестве фасада, предназначенного легитимировать политический режим и создавать видимость политического представительства и конкуренции, то есть якобы существующего вовлечения, допуска, «входа» оппозиции и рядовых граждан в политику. Итогом последовательного выстраивания такого режима стало установление авторитарного господства и безусловного подчинения, вынужденная лояльность элит и масс Кремлю, глубокое отчуждение граждан от участия в политике.

Формальные политические институты как универсальные нормы и санкции, стимулирующие определенное политическое поведение, функционируют именно как механизм включения/исключения. Таков, например, институт гражданства в развитых демократиях. Неформальные институты, действующие в интересах конкретного слоя общества, априорно не универсальны, партикулярны и непрозрачны, поэтому механизм включения/исключения в них определяется неписаными и произвольными правилами. Когда в обществе доминируют формальные институты, граждане могут ощущать присутствие универсального права, его верховенства и равенства всех перед законом. Становление нынешнего политического режима в России осуществлялось посредством «неформальной институционализации», то есть вытеснения формальных институтов неформальными [Гельман 2003: 6]. Эффект от действия неформальных правил и процедур исключения оказывается двойным, поскольку произвольность данного процесса приобретает всеобщий характер: во-первых, исключаются все силы, способные оппонировать правящей группировке, во-вторых, все временно не подконтрольные власти формальные институциональные условия постепенно «заражаются» неформальными «правилами игры», транслируя процесс неформального исключения в обозримое будущее. Вместе с этим подавляются и многие культурно-символические и идеологические предпосылки формирования политической субъектности в обществе. Конечно, это тенденция, которую трудно реализовать до конца, и в этом основа для относительного оптимизма. Явное и массовое политическое исключение – способ подрыва легитимности режима. Но так уж действует российская политическая система: под декларацией о демократичности институтов власти, необходимости повышения вовлеченности граждан, и особенно молодежи, в политику, из ее поля реально исключаются не только актуальные оппозиционеры, но даже и структура

возможностей для возникновения какой-либо политической активности. Одним из инструментов исключения является «прикладная» идеология как «способ восприятия тех или иных проблем применительно к политическому курсу в той или иной сфере» [Гельман 2003: 12] и как фильтр отбора и обработки информации. Прикладная идеология не нацелена на изучение социальных проблем по каналам обратной связи, на исследование долговременных тенденций и выработку стратегии развития страны, расчет социальных последствий и эффективности тех или иных законопроектов или мер. Она «заточена» на проведение интересов правящей группы, учет управленческой конъюнктуры и «тушение пожарных ситуаций» путем изучения противников и оппонентов должностных лиц. Эклектичная прикладная идеология играет роль матрицы для механизма включения/исключения и оправдания произвольного устранения противников. В последние годы правящий режим «зачищал» пространство даже потенциального легального политического участия путем принятия поправок в законы о политических партиях, общественных объединениях, установления контроля над СМИ, применения манипуляций, создания имитирующих структур. В результате принятия закона «Об общественных неправительственных организациях» (2006) усложнилась их деятельность в связи с введением множества финансовых и других барьеров. Общественные объединения были лишены возможности влиять на политику. Результатом ряда поправок в избирательное законодательство стало снижение гражданской активности и усиление политического отчуждения граждан. Принятие нового закона «Об общественных объединениях» («иностранных агентах») 2012 г. подрывает доверие населения к любым объединениям, лишает его остатков веры в эффективность солидарных действий даже в целях решения собственных проблем. «Уход» с публичных площадок, «неучастие» стали главными «стратегиями» политического поведения граждан. Нынешний политический режим методично препятствует «входу» любых альтернативных субъектов на политическую сцену. Несанкционированное политическое участие в силу этого становится более затратным и рискованным.

В рамках избирательного процесса между формальными и неформальными институтами происходит сложное взаимодействие. Формальные институты стали средством селективного наказания нелояльных партий и кандидатов [Гельман 2010], фактически исключая их из предвыборной борьбы в качестве серьезных альтернативных участников. Следствием этого является исключение из политики тех групп избирателей, чьи интересы альтернативные кандидаты могли бы представлять в органах представительной власти или политических партиях. Одна из

форм исключения из предвыборной борьбы и политики – отказ оппозиционерам в регистрации. Формальные политические (экономические, правовые и т. д.) институты таким образом служат необходимым легальным «прикрытием» для неформальных институтов, которые и являются реальными способами принятия политических решений и выработки способов их воплощения. Без такого легитимирующего «прикрытия» со стороны формальных институтов политический режим выглядел бы абсолютно одиозным. Институционализация политического участия, начиная с 1996 г. и по сей день, под лозунгами укрепления политической стабильности осуществлялась исключительно в целях сохранения действующего режима. Для этого институты политического участия отлаживались с ориентацией на формирование исключительно лояльных граждан и форм активности и на исключение нелояльных. В силу этого любая даже вполне легальная политическая конкуренция, реальное, не подконтрольное президенту и правительству оппонирование власти по общественно значимым проблемам, скажем в парламенте, было немыслимым. Причем лояльность с точки зрения правящей группы – это не просто законопослушание, это безусловное подчинение любым распоряжениям и решениям властей. Все попытки публичного обсуждения острых проблем, претензии на альтернативные поправки к законопроектам, партии, движения, любые формы отстаивания свободы информации, митингов и демонстраций отвергались. Все эти легальные формы конвенционального политического участия рассматривались властью как враждебные и недопустимые: никакой самоорганизации граждан, автономии общественных и политических организаций от государства, никакой политической конкуренции.

Вовлечение граждан в политическую деятельность партий, общественных объединений – одна из основных функций демократии и один из показателей демократичности политической системы, способ и «цена» легитимации политического режима. Осуществление этого процесса зависит от направленности функционирования всех элементов политической системы: политических институтов, политических норм, стратегий политических акторов, типа легитимности, политического сознания и политической культуры общества. Опасения, высказываемые несколько лет назад относительно негативных эффектов от «низкого уровня политической вовлеченности граждан» и «дефицита институциональных форм неэлекторального участия», чреватых углублением политического отчуждения и ростом неконвенционального протестного активизма» [Кузин 2010], в настоящее время подтвердились. Политика утратила публичный характер, политические решения принимаются без опоры на систематическую об-

ратную связь с обществом, без политической конкуренции во время избирательных кампаний и между ними. Предопределенность исхода выборов не просто снижает мотивацию масс к электоральному участию, она вообще обесмысливает и выборы, и демократию в целом. Постоянный пересмотр законодательных норм о неэлекторальных формах участия граждан (политических партиях, общественных объединениях и т. д.) в совокупности с катастрофической бюрократизацией государственного управления, а также с целенаправленным введением процедур, прямо затрудняющих осуществление гражданами этого участия, – все это ставит перед печальным выводом о двойных стандартах государственной политики. Разрыв между словом и делом обретает поистине удручающий характер. «Слово» (квазиидеология, дискурс власти) нацелено на прямой обман большинства населения, а «дело» осуществляется в интересах правящего класса путем исключения граждан и их объединений из политического процесса. Декларативная заинтересованность государства в электоральной активности граждан, характерная для 1990-х гг., в 2000-е гг. угасла. Механизмы реализации массовой электоральной и неэлекторальной активности (участия) систематически выхолащивают, дробят, нивелируют и обесмысливают любые формы не только политического, но даже гражданского и общественного участия. Получается, что цели «стабилизации политического порядка» и «управляемости» достигаются в ущерб развитию форм политического и иного участия, начал самоуправления, гражданского общества и т.д. Консервативная тенденция доминирует и сковывает развитие, отбрасывая общество к архаичным формам существования, культуры и самосознания, к расширению авторитаризма. По сути это демодернизация.

Партийная система не выполняет функций представительства интересов различных социальных групп. Политическая социализация направлена на формирование исключительно лояльных власти граждан и не допускает возможность критики власти или иных мнений по поводу решения тех или иных задач управления обществом. Учреждаемые властью структуры имитируют все – партии, оппозицию, молодежные движения, гражданское общество. Но все это работает на мобилизацию поддержки правящей группы, а не на вовлечение в систему реального политического участия. Так называемая системная, парламентская оппозиция – один из элементов этой химерической конструкции. Реальный эффект деятельности парламента состоит в том, что он парализует возможность «внесистемных» политических партий реализовывать функцию вовлечения граждан в политику. Низкий уровень доверия граждан по отношению ко всем политическим институтам, кроме президентства, соответствует их низкой